

**МЯТЕЖНИКИ
КРЕЙСЕРА «ПАМЯТЬ АЗОВА»
1906 год**

ВЛАДИМИР ШИГИН

Владимир Виленович Шигин

Мятежники крейсера

«Память Азова». 1906 год

Серия «Матросские мятежи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63380863

*Мятежники крейсера «Память Азова». 1906 год. / Владимир Шигин:
Горизонт; Москва; 2020*

Аннотация

История мятежа на крейсере «Память Азова» сегодня мало кому известна. Если о мятеже на броненосце «Потемкин» знает весь мир, то события на «Памяти Азова» являются лишь достоянием историков. При этом мятеж, произошедший на Балтике в 1906 году, заставляет задуматься, что «Потемкин» не был случайностью, а оба мятежа готовились тщательно и долго, причем, почти по одному плану! В своей новой книге известный российский писатель-маринист Владимир Шигин в присущей ему, увлекательной форме, раскрывает множество тайн и загадок балтийской революции 1906 года, показывает скрытые пружины этих далеких событий.

Прочитав новую книгу В. Шигина, читатель узнает много нового о реальной роли в первой русской революции большевиков и эсеров, масонов и монархистов, о заговорах и кровавых

расправах, межпартийной вражде и откровенном предательстве. Данная книга стала итогом многолетней работы автора в закрытых библиотеках, государственных и частных архивах.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Шигин
Мятежники крейсера
«Память Азова». 1906 год

© Владимир Шигин

Глава первая

Затухающий костер революции

Сколько бы нам не рассказывали сказок о романтике революций, о том, как в какой-то стране вдруг неожиданно вдруг ни с того, ни с сего, возникает революционная ситуация, как народные массы во главе с пролетариями стихийно поднимаются на борьбу с очередным прогнившим режимом, я призываю вас всему этому не верить! В реальности никогда ни одна революция не происходила стихийно сама по себе. В каждом конкретном случае были весьма профессиональные и вдохновители, и организаторы, а самое главное, были финансисты. Революция дело не быстрое и безумно дорогое, а потому нуждается в длительной подготовке и стабильном денежном обеспечении. Но и выгоды в случае успеха колоссальные – геополитические! Поэтому серьезные революционные проекты по плечу только богатейшим государствам мира, империям, претендующим на роль мировых лидеров и стремящихся к перекройке в свою пользу политической карты мира, а то и вообще к изменению всего мирового порядка. При этом не надо быть наивными и думать, что это только сегодня «революции» и государственные перевороты планируются секретными службами определенного государства, а раньше все происходило как-то, само собой. Увы, ничего не

ново в нашем мире, в том числе и в отношении организации революций. Если сегодня подготовку и осуществление бесконечного числа т. н. «цветных революций» по всему миру могут позволить себе только США, то в начале XX века это было по силам Англии.

В настоящее время главенствующая роль Англии в организации Первой русской революции уже доказана. С подачи Англии в 1905 году занимались налаживанием революционного процесса в России и США с Японией. Но к концу 1905 года революционная активность в России резко пошла на спад. Внутренняя ситуация в России явно стабилизировалась. Губернии успокаивались одна за другой. От этого российское революционное сообщество пришло в полную растерянность и уныние. Все дело в том, что Англия, США и Япония, заставив императора Николая Второго подписать крайне невыгодный России Портсмутский мир, решили этим все стоявшие перед ними политические вопросы. Как следствие этого финансирование всех российских революционных партий было сразу резко сокращено, а без денег о продолжении серьезной подрывной работы было нечего и думать. «Революция, объективно, кончилась» – написал тогда известный российский марксист П. Б. Струве.

Именно поэтому ведущими российскими революционными партиями было решено предпринять последнюю отчаянную попытку раздуть искры затухающего революционного костра. При этом преследовались, как минимум, две це-

ли. Во-первых, постараться повернуть внутреннюю ситуацию в стране вспять, а, во-вторых, продемонстрировать своим зарубежным покровителям, собственный авторитет, силу, а значит снова получить доступ к финансовой кормушке.

Участники переговоры в Портсмуте (1905) Слева направо: с русской стороны (дальняя часть стола) – Г. А. Плансон, К. Д. Набоков, С. Ю. Витте, Р. Р. Розен, И. Я. Коростовец; с японской стороны (ближняя часть стола) – Адати (нем.), Отиай, Комура, Такахира (англ.), Сато (яп.).

"GOOD OFFICES"

Рузвельт в роли посредника между Россией и Японией

При этом дровами для нового революционного костра должны были на этот раз стать вчерашние рабочие и крестьяне – матросы Балтийского флота.

В советской революционной художественной литературе неизменно присутствовал образ молодого рабочего царской России. Этот рабочий остро переживал несправедливость. На этой почве он, в конце концов, знакомился с каким-нибудь профессиональным социал-демократом (большевиком). Обаятельный большевик вначале сочувствовал переживаниям рабочего, а потом давал ему почитать «Капитал» Маркса, мол, прочитаешь и сам все поймешь. Теперь у рабочего была цель. Долгими вечерами после напряженного рабочего дня при огарке свечи он захлеб читал на чердаке том за томом «Капитал», и перед ним отрывались дотоле неведомые горизонты. Когда же он переворачивал последнюю страницу великой книги, рабочему все было уже совершенно ясно. Отныне он знал, что источник всех его бед – это прибавочная стоимость, а также то, что отныне он убежденный марксист-большевик. Классикой данной темы, по-видимому, можно считать роман М. Горького «Мать». Помню, читая в молодости подобные книги, и представляя себе малограмотного (с двумя-тремя классами приходской школы) рабочего, я удивился, какой надо иметь природный ум, терпение и одержимость, чтобы одолеть столь огромный труд

как «Капитал». Возможно, что в истории России действительно было несколько десятков таких рабочих, которые, даже засыпая, клали Маркса себе под голову. Но то, что остальные сотни тысяч работяг наперебой взахлеб зачитывались Марксом, в этом я сильно сомневаюсь. Представьте современного рабочего с полным средним, а то и со среднетехническим образованием, который бы ночами запоем читал теоретические труды по политэкономии. Если таковые где-то и найдутся, то они скорее редчайшее исключение из общего числа любителей съездить в свободное время с семьей на дачу или оттянуться с друзьями пивком. Что уж говорить о малообразованном пролетарии начала XX века!

Позволю себе небольшое отступление от главной темы. Моя судьба сложилась так, что я вначале учился в военно-морском политическом училище, а затем закончил военно-политическую академию им. В. И. Ленина, причем ее самый элитный – научно-педагогический факультет. Что касается училища, то там мы, разумеется, учили все основные труды классиков марксизма-ленинизма, но, имея за плечами лишь 10 классов школы, многого не понимали, да многого от нас и не требовали. Получили общее представление и ладно! Другое дело академия. На нашем факультете готовили будущих преподавателей всех общественных дисциплин для кафедр общественных наук военных вузов (научный коммунизм, политическая история, политэкономия, психология и педагогика, социология и философия), т. е. тех, кто дол-

жен был вкладывать в головы будущих советских офицеров познания марксизма-ленинизма, а потому учили нас фундаментально. Если на остальных (общих) факультетах читали лекции кандидаты наук, а семинары вели даже адъюнкты, то у нас имели право, и читать лекции, и вести семинары исключительно доктора наук, причем только самые именитые. Каждое занятие с преподавателями такого уровня было настоящим откровением. Я избрал для себя стезю историка, а потому в течение всех трех лет учебы, том за томом штудировал материалы съездов и конференций, разбираясь со всевозможными оппозициями и политическими течениями. Помню огромный том протоколов 2-го съезда РСДРП, который мы дотошно изучали в течение двух месяцев, вникая в каждый диалог, в каждую реплику. Любви к съездам это не прибавляло, но материал мы знали отменно. Если у историков настольными книгами были протоколы съездов, то у философов знаменитый 18-й том полного собрания сочинений Ленина – «Материализм и эмпириокритицизм», одна из самых путанных и тоскливых работ Ильича. Выпускники военных училищ и академий советского времени меня поймут, потому что ни один из них не миновал участи конспектирования этого нескончаемого и малопонятного творения. Что касается группы политэкономов, то у них была, разумеется, своя библия – «Капитал» Маркса. Учили они его, бедолаги, все три года пребывания в академических стенах. Помню их стенания и проклятья в адрес отца марксизма, зависть

к нам. Бедные политэкономы фактически от руки переписывали себе в конспекты все тома Маркса и разобрали их до последней запятой.

Оговорюсь, что состав слушателей нашего факультета был весьма сильным. К концу обучения мы уже сдавали кандидатские минимумы и намечали темы будущих диссертаций. На сегодня большинство моих сокурсников кандидаты и доктора наук, заведующие кафедрами престижных вузов и известные в своих кругах ученые-историки.

К чему я все это говорю. А к тому, что даже хорошо теоретически подготовленным ученикам при весьма сильной мотивации (получение престижной специальности преподавателя, которая обеспечит тебе и карьеру, и все сопутствующие блага), при наличии лучших преподавателей, освоение «Капитала» Карла Маркса было делом весьма непростым. А нам пытались рассказывать о толпах рабочих-самоучек, которые, читая запоем после работы «Капитал» и, уяснив для себя суть марксистской теории, шли в революцию! Разумеется, что агитаторы социал-демократов кое-что рассказывали рабочим и о Марксе, но лишь в доступной для понимания малограмотными людьми самой примитивной форме. Помимо этого, они много говорили о социальной несправедливости и о том, что уничтожить царизм и буржуев могут только они – пролетарии, которым нечего терять кроме собственных цепей, зато потом они будут жить припеваючи. Конечно, такая агитация порой приносила свои плоды, и рабо-

чие увлекались идеей экспроприации экспроприаторов. Но в большей своей массе и матросы (вчерашние рабочие), и рабочие (вчерашние крестьяне) за социал-демократами не шли. Уж слишком заумными были их идеи, слишком далекой была перспектива светлого коммунистического рая, который они слабо себе представляли.

Совсем иное дело были социал-революционеры. В отличие от заумных эсдеков, эсеры были людьми дела. Они без всяких раздумий швыряли бомбы в окна полицейских участков, палили из револьверов в губернаторов и жандармов, грабили банки и при этом не читали никаких моралей. Они привлекали к себе храбростью, дерзостью и тем, с какой легкостью проливали чужую и свою кровь, тем, как их боялась власть. Это вызывало не только испуг, но и восхищение, особенно среди молодежи. Для многих, поэтому именно террористы-эсеры были настоящими героями! Помимо этого, эсеры превыше всего ставили не пролетария, а свободного хлебопашца-крестьянина с отданной ему навечно землей. Это было хорошо понятно матросам (в большинстве своем вчерашним крестьянам) и нравилось куда больше, чем непонятный пролетарский коммунизм. Надо ли говорить, что ряды приверженцев эсеров пополнялись куда веселее, чем у их конкурентов.

ВЫБИРАЙ

СОЦИАЛИСТОВ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

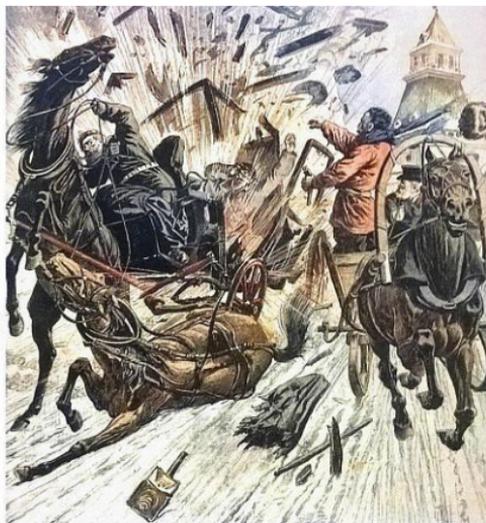
Эмблема партии социалистов-революционеров, 1917 год

Успехи эсеров не могли не вызывать раздражения и даже ненависти у социал-демократов. Именно поэтому группа Ленина и решила перенять многое из арсенала эсеров, чтобы тоже стать популярными. Это вызвало возмущение правоверных марксистов, после чего некогда единая партия социал-демократов и распалась на два враждующих крыла – леворадикалов-большевиков и центристов-меньшевиков. При этом читателя не должны путать наименования фракций. В действительности все было наоборот, меньшевиков было куда больше чем большевиков.

Впрочем, и у эсеров тоже были свои заморочки. Одни из них так увлеклись терроризмом и грабежами, что ни о чем другом и слышать уже не хотели. Кровь и легкие деньги быстро пьянили, превращая вчерашних идейных революционеров в обычных бандитов. Другие же, наоборот, все еще тешили себя идеями будущей крестьянской республикой. На этой почве эсеры тоже постепенно распadaлись на левых и правых, но пока еще не столь явно, как их главные конкуренты эсдеки.

К 1906 году, когда всем стало предельно ясно, что революция пошла на спад, конкуренция между революционными партиями еще больше обострилась. О каком-то хотя бы формальном союзе, который был еще год назад, теперь уже не было речи. Каждый стремился к единоличному успеху, чтобы лавры разжигателя социального костра достались только

ему. И на Балтике в этой борьбе за матросские массы эсеры далеко опережали своих конкурентов.

Покушение террориста Ивана Каляева в Кремле на Великого князя Сергея Александровича. Обложка журнала «Le Petit Journal», март 1905 года

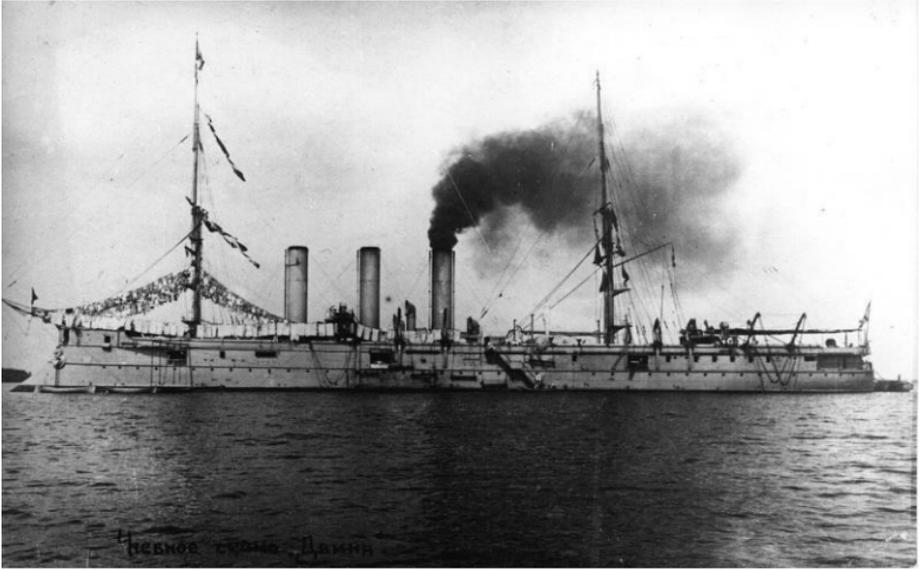
В советское время на эсеров навешали все негативные ярлыки. Они де специально провоцировали преждевременные восстания, чтобы обречь матросов и солдат на поражение, они выдавали всех и вся полиции. Они, наконец, являлись, чуть ли не платными агентами той же полиции. Все это, разумеется, неправда. Эсеры были нисколько не хуже, но и не лучше своих конкурентов социал-демократов. То, что именно они начинали почти все мятежи в 1905–1907 годах гово-

рит только об их авторитете и силе, которых не хватало соперникам. То, что порой эсеры и толкали матросов на преждевременные выступления, было вызвано все той же конкуренцией и желанием эсеров опередить эсдеков, чтобы первыми добиться успеха, возглавить революцию и захватить власть в стране. Если бы история распорядилась так, что к власти в России пришли бы не большевики, а эсеры, то в учебниках истории мы с вами читали бы о любимцах народа социал – революционерах и о провокаторах и агентах охраны большевиках.

Как бы то ни было, но к лету 1906 года и тем, и другим было абсолютно ясно, что революция пошла на спад. В этих условиях у революционеров осталась последняя попытка вернуть Россию в хаос революции – поднять на мятеж Балтийский флот, который до того времени пребывал в относительном спокойствии. Конкуренты лихорадочно готовили собственные восстания, интригуя и стремясь обойти конкурентов. При этом эсеры «как всегда» были несколько впереди.

Разумеется, совершенно не случайно все должно было произойти именно на Балтике. При этом, учитывая опыт Черноморского флота, мятеж должен был вспыхнуть одновременно в нескольких военно-морских базах одновременно. Для этого были выбраны Кронштадт и Свеаборг. Первый находился в непосредственной близости к столице, а второй в лояльной к революционерам всех мастей Финляндии. Кро-

ме этого должны были восстать и боевые корабли. При этом возглавить мятеж кораблей должен был броненосный крейсер «Памяти Азова».

Крейсер «Памяти Азова».

Расчет был таков – мятеж на корабле, пользовавшимся особым вниманием императора Николая Второго, всколыхнет не только флот, но и общество, которое придет к заключению, что если против власти восстают самые заслуженные и «приближенные» к власти корабли, то эта власть не имеет права на существование. Кроме этого мятеж на «Памяти Азова» был личным вызовом самому императору, которого буквально заставляли этим гениальным ходом разочаровать-

ся в моряках и, как следствие этого, потерять интерес к флоту, а значит и к возрождению морской мощи империи. Что и говорить, столь далеко идущие цели оправдывали и затраты. А затраты были не малые. На Балтике в 1906 году революционеры сосредоточили свои лучшие силы. Ряд специалистов по организации мятежей были переброшены с юга России. Максимально был учтен опыт 1905 года. При этом, как и год назад в Севастополе и в Одессе, на Балтике шла острая непрерывная конкурентная борьба между социал-демократами и эсерами, за влияния на матросские массы и за право назначать вожаков мятежей. Все понимали, что мятеж Балтийского флота – это последний шанс не только разжечь революцию, но и стать во главе ее. И этого шанса никто упускать не желал.

Из хроники революции 1905 года: «Проводить революционную работу на территории Финляндии было значительно легче, чем в России, здесь не было русской полиции. В дни октябрьской стачки 1905 года рабочие Гельсингфорса создали отряды Красной гвардии. Эти отряды существовали вполне легально. К лету 1906 года Красная гвардия насчитывала до 20–30 тысяч человек, правда вооружена из них была только часть. Правда, руководство финской социал-демократии стояло на оппортунистических позициях». Поразительно, но в империи вполне официально существовала целая армия, готовая в любой момент вступить в бой с властью. И царя после этого упрекают в реакционности и деспотизме! При-

ведите еще хоть какой-то пример в истории подобному! Задайтесь вопросом, какая самая демократичная и либеральная власть потерпит такое положение дел!

Официально принято считать, что мятежи на Балтике в 1906 году вспыхнули стихийно. Они, якобы, были запланированы, но на более позднее время. В преждевременном же выступлении масс, как всегда, самую подлую роль играли эсеры. Согласно версии, самого большого советского специалиста в области революционного движения в русском флоте С. Найды, здесь отличился известный эсеровский провокатор Азеф, который, выполняя задание охраны – сорвать восстание, подготавливаемое большевиками, и организовал преждевременное выступление.

Евно Фишелевич (Евгений Филиппович) Азеф – революционер – провокатор, один из руководителей партии эсеров и одновременно Секретный сотрудник Департамента полиции.

На сам деле все было не так. Мятеж в Свеаборге (балтийские мятежи начался именно с него) готовился загодя и готовился как раз на то время, когда и произошел. Подтверждением этому служит практически одновременное со свеаборгским мятежом начало мятежей на «Памяти Азова» и в Кронштадте. Обвинения же на эсеров было «повешено» уже после того, как все эти мятежи подавили. Большевики просто обвинили своих конкурентов в неудаче. Кстати, и эсеры в неудаче мятежей в Свеаборге и Кронштадте, в свою очередь, обвинили тех же большевиков.

Как отмечалось в одной из большевистских листовок: «Наша тактика была: готовиться, организовываться и ждать общего движения, тактика эсеров – начинать, а за нами, мол, не отступят и остальные... Все свое дело они вели как заговорщики, рассчитывая на то, что самое важное в этом деле – тайна, внезапность нападения. Мы же полагали, что если уж идти на восстание, то надо придать ему массовый характер, надо подготовить настроение на митингах и массовках и в решительный момент вызвать на улицу многотысячную толпу рабочих».

Историк С. Найда о подготовке мятежа на Балтике боль-

шевиками в 1906 году писал так: «В. И. Ленин уделял исключительное внимание подготовке, а затем руководству восстаниями матросов и солдат на Балтике. В ЦК РСДРП в это время преобладали меньшевики; этот ЦК не руководил восстаниями, не мог и не хотел этого делать. Он давал оппортунистические лозунги, за которыми массы не шли. В момент восстаний Ленин находился в Петербурге. Под его руководством Петербургский комитет РСДРП через голову меньшевистского ЦК руководил борьбой масс. 16 июля Петербургским комитетом были получены из Свеаборга сведения о готовящемся революционном выступлении солдат и матросов. Получив это известие, большевики созвали совещание, на котором председательствовал Ленин. Совещание обсудило вопрос о руководстве восстанием и приняло постановление, написанное Лениным. Большевики – члены ПК и ЦК были немедленно командированы во все районы города, быстро связались с рабочими организациями и начали готовить забастовку рабочих. В Кронштадт для руководства восстанием были командированы 19 июля тт. Мануильский, член ЦК Иннокентий (Дубровинский), Гусарев и др. работники. Эти товарищи, по словам Мануильского, сделали все возможное, чтобы придать восстанию характер организованной борьбы, они же и до конца событий руководили восстанием. 21 июля по призыву большевиков в течение нескольких часов забастовало около 100 тысяч рабочих.

К забастовке примкнули финские железнодорожники, ко-

торые еще раньше в ряде мест разобрали железнодорожные пути. Меньшевики предательски срывали организацию забастовки, но большевики, уничтожая препятствия, воздвигаемые предателями, выводили питерских рабочих на борьбу. Для обсуждения вопроса об организации всеобщей забастовки на станции Удельная было созвано совещание Петербургского комитета РСДРП. По-видимому, на совещании присутствовал провокатор, так как не успели собраться участники намеченного совещания, как все 19 человек были арестованы».

Дмитрий Захарович Мануильский один из организаторов Кронштадтского, затем Свеаборгского вооружённого восстания

Итак, 2 июля 1906 года в Гельсингфорсе состоялось совещание представителей Финляндской военно-партийной ор-

ганизации РСДРП, на котором разрабатывался общий план восстания. В соответствии с этим планом Свеаборг условной телеграммой «отец здоров» должен был дать флоту и Кронштадту сигнал к общему восстанию. Восставший флот в свою очередь должен был ответить Кронштадту и Свеаборгу также условной телеграммой – «отец болен», что означало: «Восстал, иду в Кронштадт». По плану восстания матросы и солдаты должны были сначала захватить Свеаборгскую и Кронштадтскую крепости и корабли. Затем флот должен был частью сил идти в Петербург для поддержки рабочих, а частью в порты Прибалтики, чтобы поддержать восстания там.

В это же время примерно такой же план вырабатывают и эсеры, с той лишь разницей, что в главе восставшего флота встают не большевики, а они. О планах восстания на Балтийском флоте вскоре стало известно и властям. Контрразведка работала весьма неплохо. После событий 1906 года большевики обвинят в утечке информации эсеров, а те, в свою очередь, большевиков. Как на самом деле стал известен план восстания охранному отделению, мы не знаем. Как бы то ни было, но флотское командование незамедлительно отреагировало на полученную информацию: корабли были рассредоточены по Финскому и Рижскому заливам, многие «неблагонадежные» матросы списаны с кораблей, команды и караулы усилены проверенными и надежными матросами, а также офицерами и гардемаринами. Помимо этого, коман-

ды кораблей были вычищены от неблагонадежных элементов. Надо отметить, что полученная флотским начальством информация о возможном мятеже носила весьма общий характер. Ни об инициаторах восстания, ни о его сроках ничего известно не было. Это затрудняло работу по выявлению зачинщиков.

Однако при этом властям неожиданно повезло. Помощь пришла оттуда, откуда ее меньше всего ожидали. В преддверии мятежа на Балтийском флоте до предела обострились отношения между социал-демократами и эсерами.

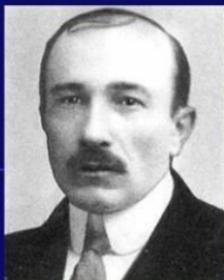
Историк С. Найда об этой межклановой схватке пишет так: «Эсеры провоцировали немедленное выступление. В Кронштадте и других местах они начали создавать свои организации под видом контактных и беспартийных организаций, комитетов, центров и т. п., приглашая социал-демократов вступать в эти организации, якобы для объединения действий по подготовке восстания, а в действительности для того, чтобы подчинить социал-демократов своему влиянию, ослабить большевистские военно-партийные и боевые организации. Они действовали как заговорщики, рассчитывая на то, что самое важное в подготовке восстания – тайна, внезапность нападения. Большевики же считали, что если уж идти на восстание, то надо придать ему массовый характер и в решительный момент вызвать на улицу многотысячную массу рабочих. Эсеры считали, что можно обойтись и без этого. Они подготовляли взрыв и не сочли нужным ни полусло-

вом уведомить социал-демократов о своих затеях. Большевики беспощадно критиковали эсеров, разоблачали их авантюризм перед массами. Отвергнув предложение эсеров войти в беспартийную организацию, большевики с разрешения вышестоящих партийных центров не отказались установить с ними контакт по отдельным вопросам подготовки и проведения восстаний. Этой своей тактикой большевики преследовали задачу не распылять силы революционно настроенных масс и сохранить влияние на них, чтобы в нужный момент удержать их от эсеровской авантюры. В то же время большевики упорно работали в массах, разъясняя им вред и недопустимость неорганизованных бунтов и выступлений. За десять дней до восстания большевики в № 5 газеты „Казарма“ писали, что нужны не военные бунты, а переход войск в решительный момент на сторону восставших масс. За три дня до восстания большевики Кронштадта выпустили специальную листовку, в которой предупреждали массы, что нужно приберечь силы для великого дела всеобщего восстания».

8 июля 1906 года Николай Второй распустил излишне политизированную Первую Государственную думу. Часть депутатов-радикалов разогнанной Думы выехала в Финляндию, где 10 июля приняла «выборгское воззвание», в котором население России призывалось к пассивному сопротивлению – отказу платить налоги и давать новобранцев правительству.

Отметим, что эсеры вначале попытались выступить с большевиками единым фронтом. В Финляндию прибыли их лидеры Евно Азеф и Чернов. И в Гельсингфорсе, и в Кронштадте эсеры предложили конкурентам вступить в соглашение для совместных действий. Но социал-демократы отклонили это предложение, заявив, что у них нет на это согласия вышестоящих партийных органов. Эсеры не отступали и, в конце концов, все же была создана некая совместная информационная комиссия, толку от которой в реальности не было никакой. Но и после этого эсеры не успокоились. За несколько дней до восстания в Свеаборге эсеровская военная организация созвала в Гельсингфорсе экстренное совещание, пригласив на него социал-демократов.

ЭСЕРЫ

**Борис
Викторович
Савинков**

Виктор Михайлович Чернов, председатель

**Мария
Александровна
Спиридонова**

**Николай
Дмитриевич
Авксентьев**

**Евно
Фишелеви
ч Азеф**

**Григорий
Андреевич
Гершуни**

Представитель эсеров из Кронштадта заявил на совещании, что кронштадтцы, флот, особенно корабли «Цесаревич», «Богатырь» и «Слава», готовы к восстанию и начнут его немедленно и что от свеаборжцев требуется только поддержка. Но представитель большевиков выступил против, заявив, что без санкции ЦК его партии начать восстание нельзя. После долгих споров социал-демократы добились от эсеров заверения, что те не поднимут в Кронштадте восстания раньше, чем это произойдет в Свеаборге, причем представители обеих партий так и не договорились об объедине-

нии сил. Готовить восстание они решили независимо друг от друга.

Общее руководство мятежами от партии эсеров на Балтийском флоте осуществлял С. Ф. Михалевич по кличке Ян. В помощь ему отрядили Ф. М. Оникко, по кличке Трудовик.

Оба они пользовались среди матросов популярностью, но были чрезмерно эмоциональны, больше доверяли порыву, чувствам, нежели кропотливому, осторожному, повседневному собиранию сил и трезвому учету обстоятельств. Занимались подготовкой мятежей и такие видные деятели партии эсеров как И. И. Бунаков и В. М. Чернов. Известно, что в агитации матросов активно участвовала особая группа молодых женщин-эсерок. Смысл их «агитации» заключался в том, что дамы влюбляли в себя нужных им авторитетных матросов, которым очень льстило, что они сожительствуют с образованными столичными барышнями.

С конца марта эсеры регулярно предлагали социал-демократам консолидировать усилия, отбросить в сторону идейные распри, объединиться. Те долго сопротивлялись, но после арестов в марте-апреле получили согласие своего ЦК, и 23 апреля была основана объединенная, беспартийная военная организация, которая, увы, оказалась совершенно не жизнеспособной.

Федот Михайлович Онипко

Если год назад план восстания охватывал Севастополь и Одессу, то теперь одновременно должны были подняться

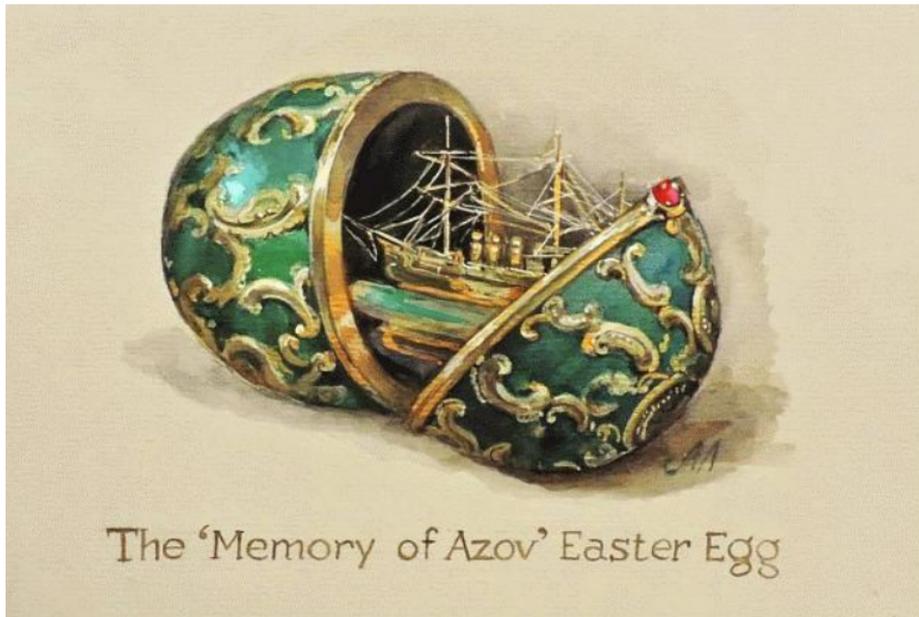
Кронштадт и Свеаборг, а если повезет, то и Ревель. Роль же детонатора, которая отводилась на Черном море броненосцу «Потемкин» на Балтике должен был сыграть броненосный крейсер «Память Азова». Разумеется, устаревший «Память Азова» не шел ни в какое сравнение с новейшим эскадренным броненосцем «Князь Потемкин-Таврический». Но все дело в том, что на Балтике планы революционеров-террористов были несколько иными, чем год назад на юге России. Если в 1905 году в Одессе расчет делался именно на боевую мощь «Потемкина», то год спустя на Балтике все задумывалось уже несколько иначе.

Итак, костер революции к 1906 году почти затух, но революционерами было решено кинуть туда последние охапки хвороста, вдруг, да разгорится! Этими последними охапками хвороста и предстояло стать Балтийскому флоту, а затем и далекому Владивостоку.

Глава вторая

Любимый корабль императора

Среди экспонатов оружейной палаты Московского Кремля внимание посетителей всегда привлекает небольшая драгоценная шкатулка в виде расколотого яйца Фаберже, внутрь которого вложена миниатюрная копия корабля – золотой крейсер плывет по лазуритовому морю, сверкая бриллиантами иллюминаторов... Экскурсовод всегда пояснит, что так даритель яйца запечатлел для императора Николая Второго особо любимый им крейсер «Память Азова». Говорят, что до лета 1906 года расколотое драгоценное яйцо неизменно присутствовало на рабочем столе императора, а затем было навсегда передано в хранилище драгоценностей. Согласитесь, что уже одного этого факта достаточно, для того, чтобы понять – перед нами корабль с особой историей.

The 'Memory of Azov' Easter Egg

История «Памяти Азова» началась 12 июля 1886 года на Балтийском заводе Санкт-Петербурга, когда там, в присутствии императора Александра Третьего, императрицы Марии Федоровны, греческой королевы Ольги Константиновны и генерал-адмирала Алексея Александровича был заложен очередной броненосный крейсер российского флота.

Назван новый броненосный фрегат был в честь парусного линейного корабля «Азов», отличившегося в сражении при Наварине в 1827 году. За доблесть в сражении линейный корабль «Азов» впервые в истории российского флота был награжден кормовым Георгиевским флагом: в центре Андреевского флага был изображен Георгий Победоносец, пора-

жающий копьём змея. Георгиевский флаг, которым был награждён первый «Азов» за Наваринское сражение, перешёл к «Памяти Азова» вместе с именем и хранился на нем как реликвия.

Водоизмещение «Память Азова» составляло 6734 тонн. Основные размерения нового корабля были таковы: длина 115,6 метра, ширина 15,6 метра, осадка 8,2 метра. Мощность механизмов крейсера 5664 лошадиных сил и максимальная скорость хода 16 узлов. Дальность плавания без пополнения запасов угля 3.190 миль. Поэтому корабль вполне успешно мог быть использован на океанских просторах. Вооружение броненосного фрегата так же было вполне приличным. «Память Азова» имел два 203-мм орудия, 13 152-мм пушек, 15 малокалиберных 47-мм и 37-мм орудий. Кроме этого на корабле имелись и три торпедных аппарата. Команда нового броненосного фрегата составила 569 человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.